

ЧУДО

Когда едешь в метро и закрываешь глаза, в полудреме чудится всякое. Переставешь замечать скорость, и кажется, что некий великан, пыхтя, тянет этот поезд вперед, неровно, дергаясь и претыкаясь. Приостанавливается, чтобы передохнуть, и разбегается снова. А позади, следом за поездом, шелестит, изгибая свое длинное черное тело в туннеле, огромный змей и медленно нагоняет, сверкая желтыми глазами. И если великан остановится, змей доползет и поглотит, проглотит поезд, и вагон за вагоном исчезнут в его огромной прожорливой пасти...

А вокруг, в вагоне, никого нет — люди сливаются в человеко-массу, фон, декорацию. Уже сто лет она не сталкивалась ни с кем глазами. Иногда кто-то из этой массы вдруг становился материальным, но только для того, чтобы навредить ей — нарочно толкнуть, наступить на ногу, не пропустить к выходу.

Выходя из метро, она с облегчением выдыхала — спасена. Но выжить в одном бою не значило выиграть сражение — на улице борьба продолжалась. Машины досадовали, что она их обхитрила, сумев увернуться из-под колес. Солнце пекло, чтобы лишить ее сил, а дождь лил, чтобы промочить ей ноги.

Домой она буквально бежала, озираясь, выдыхала там с облегчением, зажигала свет. Ночью она его не гасила, мало ли какие опасности может принести ночь, даже в собственном доме.

А еще она чувствовала, что очень устала от этой постоянной борьбы. И ей хотелось сдаться. Но она не сдавалась.

Она удивлялась, как остальные люди не видят, как страшно жить. Ни одной секунды нельзя было позволить себе счастье. Испытывать счастье — это просто прятать голову в песок, когда вокруг — сплошные болезни, страшные и мучительные. Как можно считать себя или других защищенной от них? Как можно радоваться, когда в любую минуту ты или кто-то близкий может заболеть? А аварии? А возможность насилия или войны? А быть замурованной под развалившимся домом (землетрясение, например). А в собственном недвижимом теле? А еще вокруг столько злых, опасных людей...

Иногда в обеденный перерыв она выходила в парк и сидела на детской площадке. Приходила сюда отдохнуть, но не получалось. Она только диву давалась, как беспечны

родители... Малыши лазают по высоким опасным лестницам, толкают друг друга, раскачивают качели, а родители болтают и даже не смотрят в их сторону...

Приходилось самой защищать их. Она это умела. Себя – нет, а других – да. Она не знала, что будет с этими детьми потом, когда она уйдет с площадки, но пока она смотрела на них, не выпускала из своего зрения — они были безопасны, не спотыкались и не падали с лестниц. Но ей надо было идти обратно с обеда на работу. Она не могла держать их вечно.

У нее и без того было кого держать — на это уходили все ее силы. Во-первых, дочь. Когда Леся уезжала в Лондон, казалось, что страшнее уже быть не может. Она не могла дышать... паника охватывала ее при мысли о предстоящем страхе и неизвестности. А ее даже не будет рядом! Она не сможет прибежать и помочь...

Сейчас в чем-то даже стало спокойнее. Не надо хотя бы постоянно представлять, где Леся сейчас и что делает — это нереально, ведь она никогда не видела Лондон, не знала о местных опасностях. Но она все равно – никогда – никогда! — не выпускала Лесю из своих рук, не расслаблялась ни на секунду. А вместе с дочерью и ее мужа, конечно. Нельзя, чтобы с ним что-то случилось. Потом, очень скоро, родится внучка — ее уже сейчас надо защищать, еще в животе. Крохотное существо — это так болезненно страшно. Они все — все для нее «во-первых».

Во-вторых, муж. Правда, муж ушел от нее шесть лет назад и женился снова. Конечно, сначала было больно. Больно, что он счастлив — без нее, больно, что он любит своего нового сына, мальчика, который ей не принадлежит. Любит наверняка больше, чем их взрослую дочь и будущую внучку. И очень-очень больно, что ее предали... оставили одну в этом жутком мире... бросили среди всех опасностей.

Но, в конце концов, так даже лучше. Она хотя бы не провожает его теперь каждый день на работу, замирая от страха, представляя себе все возможные повороты событий. Нет, она его не винила. Она знала, как ему было тяжело с ней. В какой-то момент он просто не смог. Не смог видеть эту постоянную точку в ее глазах. Та женщина, к которой он ушел, была веселой и беззаботной. Конечно, приходилось теперь защищать их обоих, а как иначе – не могла же она оставить без матери маленького сына своего мужа. Ведь и его она тоже должна теперь «держат».

Она знала, что ненормальная. Хотя, если рассудить — то что считать нормой? Вот кто-то бегаёт по минному полю, не зная, что там мины, и только случайно не наступает на них. А она видит эти мины на карте — разве она виновата?

На работе она свою ненормальность скрывала. Скрывала свои знания и притворялась такой, как и все. Но не с кем не сближалась — какой смысл говорить о предметах, не имеющих для нее никакого значения?

Вот кого ей совсем не хотелось защищать — так это новую сотрудницу. С прежней они хорошо сработались, делали все дружно — каждая свою часть работы, согласовывали данные и проверяли друг друга. Но та замечательная женщина уволилась, перешла на другое место, а ей привели это чудо. Чудо в плохом смысле слова.

Чудо было значительно моложе и в еще большей степени глупей. Оно путало цифры и вносило неразбериху в отточенную систему работы. Нельзя было просто забить в отчет ее данные и отправить статистику дальше, приходилось тратить кучу времени на поиск ошибок. А Чудо еще и спорило, доказывало, что все делает правильно. Проще было работать одной, чем трепать себе нервы и вступать в постоянные перебранки.

А еще эта девица «тыкала» ей, хотя она была старше не только по возрасту, но и по должности. А имя? Напыщенное и с претензией — Эльвира. А повадки? А манера одеваться? А этот противный хохот, если не сказать, гогот? А подружки из разных отделов — как на подбор, такие же наглые и туповатые? Подружки постоянно толпились в кабинете и мешали работать. А включенная на всю громкость музыка — попсовая радиоволна?

Они едва разговаривали и едва выносили друг друга. Но однажды Чудо не явилось на работу, видимо, ушло на больничный. И, конечно, не позвонило и не предупредило. Да и ладно!

В первый день она особенно наслаждалась тишиной. Спокойно подбила все цифры и сидела с закрытыми глазами, защищая Лесю, ее мужа, их будущего ребенка. Потом перешла к собственному бывшему мужу и его семье... а до обеда успела защитить еще одну старушку из их подъезда — та совсем дышала на ладан, ее не было видно уже несколько дней, а спросить у ее бородатого сына она не решалась.

А через неделю — такую хорошую, мирную, славную без девицы неделю, — она встретила в коридоре пожилую кадровичку и спросила, скоро ли выйдет Эльвира — все обязаны сообщать в кадры об открытых и продленных больничных.

— Да вряд ли, — сказала, пробегая, кадровичка. — С такими-то травмами!

Ей сразу стало плохо, почти физически. Она даже не могла заставить себя уточнить, что случилось. Она и так это знала, сразу представила: Чудо попало под машину... Это она... она виновата! О Боже... Это она мечтала, чтобы Чудо никогда больше здесь не появилось... чтобы ушло навсегда... Она не просто лишала Эльвиру защиты, она ее по-настоящему ненавидела! Как же ей искупить... как теперь быть?

Она побежала в обед на детскую площадку. Ей надо было оправдаться, исправиться... Она принялась защищать девочку, которую качалась на слишком взрослых для такой малышки качелях. И прямо на глазах малышка упала! Соскользнула с дощечки... разбила коленку и принялась плакать. К девочке подбежала мать.

Что же случилось? Она ничего не могла понять. Малышке она зла не желала, она держала ее, не отрывала от нее глаз! Значит, у нее больше не получается... Это наказание, заслуженное наказание... Значит, она не сможет теперь защитить своих близких?

По дороге домой отправила смс дочери (та просила не звонить часто — мобильные разговоры дороги). Дочь не ответила — не слышит? Набрала номер — не отвечает. На каждой станции метро, как только появлялась связь, она набирала и набирала снова, сердце у нее колотилось как бешенное, а живот скрутило от страха.

У подъезда курила соседка.

— Привет, — соседка сделала последнюю затяжку и отшвырнула бычок. — Слыхала, бабка-то со второго померла сегодня.

Ничего не ответив, она рванула в подъезд. Дрожащими руками открыла замок и снова принялась за мобильный. И — о счастье! — в трубке послышался голос Леси — усталый и недовольный. Она сразу поняла: что-то не так. Леся не признавалась. Она не отступала:

— Доченька, пожалуйста, скажи... что произошло, ничего не скрывай, умоляю! И вдруг Леся разоралась — так кричала, что она даже опустилась в ужасе на пол.

— Мама, отвяжись, прекрати! Я потому, может, и уехала, что весь этот мозговynos... разве можно тебе что-то рассказывать? Ты же потом... ты же достанешь... твои вечные... врачи, витамины...

Значит, предчувствия не обманули.

— Что... что случилось? — прошептала она.

— Да ничего! Ничего! На самом деле... просто плохое настроение, ну и что? Майкл попал в небольшую аварию...

— Что с ним?!

— Ничего! Фару разбил! Неприятности из-за страховки... мама, пойми, это просто жизнь...

— А почему у тебя голос так отдается? Ты что, не дома? Чьи это голоса?

— Да, я не дома. Я в больнице.

— О, Боже... я так и знала!

— Мама, я просто на сохранении! Была небольшая угроза... все обошлось... надеюсь, что обойдется, если ты не будешь постоянно нервничать и терзать меня своим волнением! От

твоего волнения всем только хуже! Я думала, мы уедем, и ты... а ты все равно... мама, тебе надо лечиться!

— Леся, что говорит врач? Что надо делать?

— Мама, да что будет то и будет! От тебя ничего не зависит — запомни это! И дочка швырнула трубку.

Трясущимися руками она набрала мужа — может быть, он позвонит Лесе, поговорит с ней сам и узнает, как и что...

На этот раз трубку взяли сразу. Но раздался женский голос. Все внутри нее замерло от нового страха.

— Что? Что случилось с Аликом?

— Он не хочет разговаривать с вами! — проорала трубка. — Послушайте, сколько можно? Оставьте... оставьте нас в покое! Вы звоните каждый день, столько лет... передаете свою черную энергию! Моя мама ходила к экстрасенсу... сказали, кто-то нас ненавидит, кто-то постоянно воздействует... у нас одни неприятности! У Димочки скарлатина! Он единственный заболел из всей группы! У меня головные боли — каждый день, вы рады, да? Что вы к нам привязались? Он не вернется, он не хочет возвращаться, и не надейтесь! Хотите со свету сжить меня с Димочкой, да?

— Я, я... — пролепетала она.

Но на том конце уже бросили трубку.

Что... что все это значит, не понимала она. Ее защита... ясно, что она теперь не работает. Или это вовсе и не защита... может, это действительно нечто темное? Что, если умом она хотела помочь, а в сердце ее было только черное зло? Может, ей только казалось, что она защищает новую жену Алика? А на самом деле ненавидела ее, как Эльвиру? Да, да... это вполне... Но Лесю, но ее малыша? Нет, нет, не правда, это невозможно.

Просто от нее исходит что-то плохое, и это от нее не зависит. У нее черная энергетика... да, экстрасенс права. Она всем теперь только вредит...

Значит, она должна отключиться, не держать никого из них! Вообще никого не трогать, ни мыслью, ни зрением... не думать ни о ком — не дай Бог сделаешь хуже... надо их всех отпустить... отпустить...

Она опустилась на диван, как была, в одежде, и замерла в ужасе от самой себя.

Утром она проснулась и первым делом потянулась было привычной мыслью к дочери — найти ее, «увидеть», взять под защиту... и тут же в ужасе прервалась. Нет, как она могла забыть? — нельзя, нельзя...

Она встала и пошла умываться. Собралась, вышла на улицу. Сегодня был выходной. Куда ей идти?

Она встала у подъезда в растерянности. Люди шли мимо, не обращая на нее никакого внимания. Никто не собирался ее толкать, ее даже не замечали.

И она решилась — направилась в парк. Она не была в этом парке уже очень давно. Последний раз ходили сюда с мужем. Одной было страшно — вдруг вырвут кошелек, нападут? Мимо проезжали велосипедисты, у воды сидели рыбаки, навстречу шли две старушки, держась друг за друга. Здесь было спокойно и тихо. Никому не было до нее дела. Сами собой полились слезы, они текли и текли, не переставая, застилая глаза, но с ними вытекало что-то невыносимое, все, что накопилось за все эти годы.

И вдруг к ней пришло ощущение невероятной легкости — такое сильное, что она даже остановилась. И понимание: ей больше ничего не надо делать, совсем ничего! Тяжкий груз ответственности упал с ее плеч — не надо больше нести его. Какое потрясающее чувство. Весь мир обойдется без нее, без ее усилий. А значит... она свободна, свободна! Ей даже дышать стало легче.

Она нашла скамеечку у самой воды — здесь никто не ходил. Но ей совсем не было страшно. Она сидела и с восторгом вдыхала давно забытые запахи.

И думала: вот ведь в детстве... напиваешься, пропитыаешься всем этим, совсем не цenia и даже не замечая: запахами тины в пруду и сухой земли под весенним солнцем, шершавостью деревянной скамейки, всеми этими травинками и кувшинками, отражениями в лужах, желтыми цветками одуванчиков, кваканием лягушек, песком под ногами... И ни о чем этом не думаешь, просто собираешь все, набираешься, незнамо, для чего...

Теперь она поняла, для чего. Чтобы, увидев под ногой подорожник или почувствовав запах застоявшейся воды в пруду, на долю секунды перенестись в свое детство и на эту долю секунды почувствовать себя счастливой. Это — можно. Это теперь можно.

А вот интересно, думала она, почему детство — такое ранимое и физически хрупкое — обладает чувством полной безопасности? Таким, которого у нее потом — с тех пор, как она сама стала отвечать за себя и за других, никогда больше не было. Эта защита — это даже не чьи-то действия. Это как купаться в лучах негаснущего солнца, которое греет и светит тебе, а ты и вовсе о нем не помнишь. Это как находиться внутри, а не снаружи. Это когда есть кто-то невидимый, кто постоянно, всегда на твоей стороне. Чьи-то надежные руки, которые никогда

не отпустят. Чей-то улыбающийся взгляд, который не забывает и держит, как она пыталась держать всех этих детей на площадке.

Взгляд, от которого она сама когда-то спряталась, как несмышлениш, закрыв глаза ладошками... И, забыв про него, сочла себя забытой.

Может, пока она мечется среди мин со своей картой, другие — беззаботные и безалаберные, до сих пор держатся за эту руку, даже того не сознавая? А ее карта — самообман, карта не может предусмотреть всего.

Она хочет снова найти те руки, из которых выдернулась когда-то, перестав доверять — ведь и ее могли привести на мину.

Но ведь могли же? Могли. Привели бы и отпустили, когда сочли нужным... Ну и пусть. Пусть ее приведут и отпустят, если так будет надо, но тогда это не станет просто обидной, несправедливой случайностью, ошибкой, которую она не смогла предусмотреть.

Она не может больше отвечать за все сама, она не справляется. Какой глупостью было пытаться спасти других, находясь снаружи... какой лживой самонадеянностью... Все, что она может - это только передать их под защиту тех самых рук.

В понедельник она пришла на работу — и остановилась перед кабинетом. Это что — глюки? Из кабинета раздавалась громкая музыка. Она наизусть помнила этот «хит» с изумительной рифмой: «Никогда не прощу я тебя, потому что забыл ты меня».

Она рванула дверь на себя: Эльвира! Чудо восседало на подоконнике, положив правую ногу в гипсе на ее стол. Посередине кабинета валялись костыли.

— На такси доехала! — гордо сказала Эльвира, перекрикивая музыку.

— Зачем?! Тебе надо лежать! — заморгала глазами она.

— А как ты отчет без меня сдавать будешь? Наляпаешь че-нибудь, — нагло заявило чудо и указало на гипс:

— Прикинь, прямо на ровном месте, вот это фигня, да? Шла-шла, подвернула ногу и... ба-бац! Ща, девчонкам рассказать надо.

И Эльвира схватилась за телефон.

А она не разозлилась. Она подошла, встала прямо перед девицей и сказала ей:

— Ну вот что ты за дура такая? Ходить... на таких каблуках диких... а цифры все путаешь... отчет она пришла... очень... просто очень глупая девочка!

На глаза у нее навернулись слезы.

— Но я так рада, что с тобой все обошлось! — пробормотала она. — Как же я рада... Чудо ты мое.

Обняла обалдевшую Эльвиру и пошла набирать воду в чайник. Полный — чтобы хватило на всех дурацких подружек.

Потому что ей было хорошо. Потому что кто-то — она точно знала, — был в этой Вселенной за нее...